

СВЕТИСЬ, РАДУГА

Сцена из спектакля «Радуга зимой».

Сцена из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты». Фото Я. Левита.

ФАНТАЗИЯ — такое неожиданное жанровое определение дал М. Рошин своей пьесе «Радуга зимой». И впрямь реальность и фантазия переплелись здесь. Потому что драматург на этот раз рисует мир глазами ребенка.

О ком же пьеса? О девочке, которая ладошками отогревает зимой деревья в городском саду; о мальчике, который очень любит играть на скрипке; о старой говорящей лошади и говорящей собаке, очень застенчивой и очень правдивой. И еще — о взрослых людях: мамах, дядях, тетях, у которых очень много своих важных дел и которым порой некогда остановиться и заглянуть в глаза ребенку, живущему бук о бок с ними.

Такое содержание определило многокартинность пьесы и спектакля, поставленного на сцене Одесского театра юного зрителя. Художник В. Меркалов находит остроумное решение: заснеженный штакетник превращается в батареи теплоцентрали, а садовые качели — то в мольберт, то в квартирные окна, то в стены ванной комнаты. И превращения эти совершают семь молодых людей в ярких свитерах, символизирующих семь цветов радуги. Откуда же радуга — зимой?

Она из мира Кати, сочетающего в себе реальное и фантастическое начала. Помните — «Я родом из детства? Это мир, где стоит закрыть глаза — и свершатся самые необыкновенные мечты; мир, где звери и птицы говорят так же понятно, как и люди вокруг, мир, где могут и должны быть счастливы все, где каждый — волшебник, творящий добро. Как важно не лишит этот мир красоты и реальности. Да, именно реальности!

Драматург, а за ним и постановщик с коллективом исполнителей хорошо ощущают этот мир. И оттого сбываются мечты Кати. Ей хочется, чтобы старая лошадь заговорила, и лошадь говорит с нею; под ладошками девочки отогреваются деревья, божит живительный сладкий сок; Гена играет на скрипке; brave десятиклассники оспаривают право на тур вальса с Катей, которая уже не Катя, а Анна-Мария. Словом, радуга зажигается зимой.

Молодому режиссеру А. Булыге свойственно чувство детского театра (в отличие от пресловутой «тюзовской специфики»), он знает, понимает и, главное, любит своего зрителя. Это ощущаешь по всей атмосфере спектакля, по тому, как в нем выражается главная мысль.

А она, эта мысль — берегите мечту, умеете мечтать, без мечты нет окрыленной, наполненной жизни — одинаково касается и детей, и взрослых. Очень важно, говорит нам драматург и театр, чтобы люди, став взрослыми, не забывали прекрасные мечты детства, чтобы не считали заботы и устремления детей пустяками, чтобы не ограничивали свое беспокойство по поводу детей одним вопросом — сыты ли, одеты ли?

Есть в спектакле двое взрослых, которые понимают детей и органично входят в их мир. Это сосед Володя (Катя называет его волшебником) и учительница Лидия Ивановна. На сцене драматургическом материале артистка Т. Мороз создает интересный образ Лидии Ивановны — человека цельного, доброго, умного, а главное — очень чуткого к детям. Жаль, что недостает обаяния и тепла Володе в исполнении М. Горносталя. И это вдвойне обидно, ибо Володя — тот персонаж, к которому режиссер вручил функцию человека от театра, открывающего и завершающего спектакль.

Главная актерская удача в спектакле — это, безусловно,

П. Розсоха — Катя (она же в мечтах — Анна-Мария). Артистка играет не исключение, не воздушное создание, инфантильное дитя, парящее в эмпиреях, а девочку, как все, каких тысячи, фантазерку и выдумщицу. Маленькое сердце Кати полно любви и нежности к людям, любви активной, творящей добро («людям нужно искать, чтобы сделать им добро»). Артистка избегает умиленного сюсюканья, ее героиня горда, как может быть горд человек («а не взрослые — разве не люди!»). Уходя из театра, мы еще долго помним эту девочку, «которая умеет летать наяву».

Артисту В. Бушмакину — Гене в трудной роли двенадцатилетнего мальчика свойственна мягкость, простота и естественность. Выразителен в спектакле и сын дворничихи Яшка (С. Зинченко), собравший все качества шкодливого мальчишки, ябеда и хитрец, ужасно гордящийся своими бицепсами.

И еще — музыка, вернее, те две песни, которые написаны Г. Шевелевой, так удачно, уже не впервые, сотрудничающей с ТюЗом, песни, ставшие эмоциональным камертоном спектакля.

«Радуга зимой» — спектакль

нужный, глубокий, воспитывающий добро.

К стопятидесяти и Л. Е. ТИО СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. Островского одесский ТЮЗ показал спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке главного режиссера Н. Тараненко.

Когда поднимается занавес и по паутине наклонного станка с тяжелой решительностью идет на нас молодой человек, вдруг остановившись, резко бросает: «Пишите, маменька, пишите!» — мы понимаем, что затевается нечто весьма серьезное.

Критический заряд, заложенный Островским в пьесу, для режиссера заключается не только в том, что драматург высмеял «очень важного господина» Крутицкого, создателя трактата «о вреде реформ вообще», богатого барина Мамаева, привыкшего всех и вся поучать, не имея на то ни малейшего права, приспосабливая Городулина, загребавшего жар чужими руками. Главная острота пьесы для постановщика — в образе Глумова, сумевшего лестию, хитростью и изворотливостью использовать все слабости окружающих для того, чтобы проложить «путь

наверх», к богатству и власти.

Режиссер совместно с художником Н. Вылкуном дают ироническую заставку к спектаклю: войдя в зал, мы видим в призрачном зеленоватом свете выстроенную на сцене колоннаду, замыкаемому балкончиком, на котором размещается духовой оркестр. Дирижер, во фрачке и цилиндре, фатовато подает вступление. И лишь всмотревшись, мы понимаем, что дирижер — кукла...

За Островским-бытописателем Н. Тараненко видит Островского-сатирика. Поэтому он заостряет жанровое решение спектакля, доводя его порой до гротеска. Это выразилось и в распределении ролей — гадалку Манефу, хитро-велеречивую старуху в лаптях и с иконой на груди, играет артист Л. Юштейн.

Исполнитель роли Глумова выпускник Киевского театрального института имени Карпенко-Карого Н. Вороненко рисует своего героя не просто беспринципным или предавшим свои принципы, а «принципиально беспринципным» человеком. Твердо уразумев, что иначе достичь благосостояния нельзя, Глумов с сатанинским упорством выстраивает и осуществляет хитроумный план завоевания власти. И право-

мерно, что режиссер и исполнитель нащупывают здесь связи комедии Островского со стилистикой Сухова-Кобылина и Шедрина.

Глумов у Вороненко умен, зол и хитер. Но молодому актеру недостает еще лукавой тонкости, внутренней и внешней изощренности, явно присущих герою Островского. Хотя нужно отметить, что артист не стоит на месте, его трактовка роли заметно углубилась даже за недолгий период сценической жизни спектакля.

Острый рисунок, жанровая заостренность оказались под силу далеко не всем исполнителям. Это приводит некоторых артистов к откровенному игрищу. Но там, где актеры поняли и почувствовали замысел режиссера, их работа заслуживает высокой оценки: клонящаяся к закату Мамаева (С. Бельская), «забывчивый маразматик» Крутицкий (Б. Цудзановский), Машенька (Т. Мороз), готовая выйти замуж за кого угодно...

Большое значение приобретает в спектакле музыка, очень точная по настроению и характеру, договаривающая то, что иными средствами сказать было бы невозможно (композитор Г. Шевелева).

Задумав яркий и глубокий спектакль, режиссер не во всем сумел последовательно провести свое жанровое решение. И все же «На всякого мудреца...» в ТюЗе — заметное событие. Это злое и умное осмеяние лицемерия во всех его формах.

В последние годы становится все более острой роль молодежных театров. ТюЗы стали привлекать внимание идейным накалом своих спектаклей, романтической приподнятостью, поисками ярких и убедительных художественных средств. Не составляет исключения и Одесский театр имени Н. Островского. Это проявилось в первую очередь в выборе репертуара, подчиненного высоким идейным и нравственно-этическим требованиям. Расширяет

театр и диапазон художественных выразительных средств, свидетельствуя чему — две последние премьеры нового сезона.

Выдержал ли театр «испытание классикой»? С уверенностью можно сказать — да. Поднимает ли он сегодняшние, насущные проблемы? Бесспорно. Не случайно обращение театра к комедии Островского, повествующей о том, как «выходит в люди» Глумов, как не случаен и выбор фантазии М. Рошина о мире детства, о страстных поисках добра. Театр, его режиссура понимают, что все адресуемое детскому, юношескому зрителю должно хоть чуточку, но опережать его сегодняшний опыт и знания, тем самым обогащая его духовный мир.

Но перед театром стоят и серьезные нерешенные проблемы, первая из которых — повышение актерского профессионального уровня. Конечно, дело осложняется тем, что ТюЗ испытывает специфические сложности, ибо поставлен в неравноценные условия по сравнению с другими драматическими театрами. Количество играемых спектаклей здесь огромно. Реакция экспансивного зрителя с подвижным, трудно собираемым вниманием создает особые сложности для актеров. И при всем этом наши художественные требования к ТюЗу подчас значительно выше, нежели к иным драматическим театрам. Ведь нужно привлечь и увлечь юного зрителя, для которого ТюЗ — первое знакомство с искусством сцены.

В одесский ТюЗ пришло новое пополнение молодых актеров, режиссура ставит перед собой все более сложные творческие задачи. Все это обнадеживает, дает право ожидать от коллектива театра новых принципиальных успехов.

С. ИМАС,
преподаватель
Одесского училища
культурпросветработников.